

Мультикультуральность

Хотя термин *мультикультуральность* (мультикультурация) не получил пока четкого определения в словарях и энциклопедиях, тем не менее он достаточно часто встречается в научной литературе, преимущественно сопутствуя понятию *глобализация*. Судя по всему, поначалу понятие «мультикультуральность» нашло применение в области популярной музыки, означая процесс синтеза в ней американского и европейского, латиноамериканского, африканского и отчасти азиатского начал.

Позднее мультикультуральность стала означать, во-первых, резко возросшую интернациональность информационного, художественного и предметного окружения современного человека. Это, несомненно, связано с процессами «информационной революции» и глобализации, существенно активизировавшими мировую торговлю, в том числе и предметами бытового потребления [1]. Во-вторых, определенную интенцию во внутренней политике и общественном мнении постиндустриальных стран (особенно США), проявляющуюся в подчеркнутом внимании и демонстративной толерантности к культурным особенностям национальных меньшинств. На этой волне даже возникло специальное направление в антропологии – *Cultural Studies*, изучающее культуры национальных диаспор¹.

Но национальная политкорректность – это тема для самостоятельного исследования. Данная статья ограничивается рассмотрением «мультикультуральности» в ее первом значении.

Можно в порядке эксперимента остановить на улицах Москвы любого молодого человека и провести анализ того, что на нем надето, прикреплено к поясу и рассовано по карманам. Мы обнаружим два десятка вещей, большая часть которых произведена в разных странах или по лицензиям фирм разной национальной принадлежности. И все эти вещи, принадлежащие разным культурам, отражающие социокультурный опыт различных народов, никак не вступают в конфликт в сознании их владельца. Да и мы относимся к этому, как к вполне обычному сочетанию. Средневековый человек, наверное, сошел бы с ума, если бы ему пришлось одновременно надеть мусульманскую чалму, католическую рясу и монгольские сапоги.

Еще более впечатляющий эффект даст обследование квартиры среднего горожанина: обстановка, одежда, предметы первой необходимости, электроприборы и даже содержимое холодильника – все это вещи и продукты из десятков стран. Мы так

¹ В России ошибочно переводят понятие «культурология» как *Cultural Studies*, что не соответствует сложившемуся на Западе значению этого словосочетания.

привыкли к этому, что практически не замечаем подобного смешения. Не замечаем того, что на завтрак едим бутерброд с колбасой (немецкое блюдо) и пьем кофе из Южной Америки, а на обед у нас польский борщ или русские щи, на второе – курица, приготовленная по-французски или по-грузински с картошкой (овощем американского происхождения), или рисом (южно-азиатским продуктом), или итальянскими макаронами, и что на ужин можем побаловаться и чем-то дальневосточным – корейским или японским, запивая это английским чаем или чешским пивом.

Книги, фильмы, музыка, которые мы читаем, смотрим, слушаем, поток новостей в СМИ, картины или репродукции на стенах наших квартир, реклама и пр., – все это уже давно имеет абсолютно интернациональный характер и пусть латентно, но весьма существенно влияет на наше сознание. То, как вещи «руководят» поведением человека, очень хорошо показал Ж. Бодрийар [2].

Следует учесть и вещи, информацию и художественные произведения отечественного происхождения, которые столь же органично присутствуют в этом «вавилонском смешении». Даже в современном бытовом – подчеркиваю – бытовом русском языке, по мнению специалистов, насчитывается не менее 50% слов иностранного происхождения (о греческом, латинском или тюркском их генезисе мы даже не подозреваем; в XVIII–XIX веках в русский язык вошло множество слов немецкого и французского происхождения, а в XX веке – англо-американского). Специализированные языки отдельных профессий еще более наполнены иностранными терминами. Возьмите, к примеру, морскую или медицинскую профессиональную лексику; там русские слова встречаются в основном как связующие между понятиями, обозначаемыми словами иностранного происхождения.

Да и пишем мы на болгарской кириллице, употребляем индийские цифры (по ошибке названные арабскими), пользуемся международным Григорианским календарем и т. п. Просто большинство из нас не задумывается над этим или, по крайней мере, не заостряет на этом внимание. Абсолютное большинство традиционно русских имен имеет нерусское происхождение (греческие имена – Андрей, Алексей, Александр, Василий, Дмитрий, Ирина, Елена, древнееврейские – Иван, Мария, Анна, Илья, Даниил, Иосиф, латинские – Варвара, Павел, Роман, Валентин, Валерий, Марина, скандинавские – Ольга, Олег, Игорь; есть и экзотические: Нонна – древнеегипетское, Тамара – арамейское и др.). Собственно русские имена легко отличимы своей переводимостью. Скажем, Руслан и Светлана – светлощекие, Людмила – милая людям, Любовь – она и есть любовь, Святослав – святой и славный, Владимир – владеющий миром и пр. Но их сохранилось не очень много.

Многонациональность окружающего нас мира практически не поддается учету, все это вместе и называется мультикультуральностью. Образцы разных национальных культур органично перемешиваются в повседневном быту и постепенно начинают восприниматься как «наши». Они интегрируются в отечественную культуру так, как в XVIII в. органично интегрировались американские картошка и помидоры, французские коньяк и шампанское, в XIX в. – немецкая колбаса и различные мясные копчености, итальянские отварные мучные изделия, западноевропейские салаты, жареная рыба и мясо², в XX в. – многие блюда кавказской (шашлык, баклажаны и др.), татарской (чебуреки, беляши), узбекской (плов) кухни и т. п.

Разумеется, наиболее активно мультикультуральность проявляется в крупных городах – мегаполисах, с их, как правило, многонациональным населением, вносящим свою лепту в подобное культурное смешение. По замечанию Арнольда Шварценеггера, актера, которого можно назвать идеальным выразителем массового сознания, «мегаполис – это не просто город, в котором много разного народа, и есть китайский ресторан и суши-бар. Это город, в котором у жителей появляется привычка завтракать штруделем, в обед съесть кебаб, а на ужин – суши. И вся эта еда мирно продается на одной улице»³. Конечно, это поверхностный, «бытовой» взгляд на проблему возникновения мультикультурного пространства. Однако главная характеристика мультикультуральности подмечена верно – появляется *привычка*. В вышеприведенном примере индивид в течение одного дня обращается к разным культурам, и все эти культуры абсолютно равноправны. И еще одно очень важное слово есть в приведенной цитате – *мирно*. Мирное и равноправное сосуществование разных культур на улицах города, в сознании, бытовом поведении и привычках индивида – это и есть мультикультуральность.

Еще одним важным аспектом мультикультуральности является то, что человек подсознательно проявляет равное уважение и доверие ко всем национальным культурам, опредмеченные тексты которых он принимает в свой оборот. Мультикультуральность – это, прежде всего, толерантность к чужому. На общественном и государственном уровне такая толерантность проявляется в идеологии национального равенства, отторжении ксенофобии в любых ее проявлениях. На философском уровне это выражается в идее интернационализма – приоритета общечеловеческих ценностей над национальными, единства человечества на основе неких наднациональных универсалий.

² В русской кухне не было принято жаренное, ибо не было соответствующих очагов, на которые можно ставить сковородку, а только печенное или томленое в печи.

³ Шварценеггер А. Интервью // Итоги.– 2004. – № 52. – С. 40.

Разумеется, мультикультуральность неизбежно имеет две стороны. Как положительное явление нельзя не отметить то, что мультикультуральность (совместно с политкорректностью) сыграла значимую роль в процессе роста межэтнической толерантности, узнавания народами культуры друг друга, позитивном восприятии чужой культуры как равной своей собственной.

Но возникает закономерный вопрос: не грозит ли подобное перемешивание элементов разных культур полным упразднением культурной самобытности народов Земли, слиянием их в массу, почти не имеющую культурных различий? Можно с уверенностью сказать: нет. Культурное многообразие изначально было залогом выживания вида *homo sapiens* («локальными стратегиями выживания», по меткому определению Станислава Лема⁴), адаптации к природным и историческим условиям места проживания. Наконец, культурное своеобразие – это социальный опыт народа, накопленный за века существования и прочно вошедший в его ментальность. Национальную ментальность не одолеешь никакой мультикультуральностью. Изменить ментальность можно лишь посредством длительной ассимиляции, когда на протяжении нескольких поколений люди одной национальности живут в плотном окружении людей с другим историческим опытом и невольно перенимают его, равно как обычаи, нравы, язык, культурные коды и пр. Но это характерно для мелких диаспор или крупных, но расселенных дисперсно (как, например, татары или евреи в русских городах). Крупные и консолидированные диаспоры сопротивляются этой тенденции. Даже в огромном мегаполисе земляки, как правило, селятся сравнительно компактной и отчасти обособленной группой, внутри которой поддерживается национальная языковая и культурная традиция, порой, многие столетия [3]. До сих пор огромная еврейская диаспора Нью-Йорка живет, в основном придерживаясь правил иудаизма конца XVIII – XIX веков. Показательно, что в современном американском лексиконе слово «русские» означает не столько этнических русских (они пока еще не проявили себя как заметная национальная диаспора), сколько евреев из СССР, которые с точки зрения культуры полностью русифицированы, в большинстве своем атеисты и не имеют ничего общего с традиционалистской иудаистской диаспорой прошлых веков. Кстати, и в Израиле переселенцев из России называют «русскими», тоже вкладывая в это слово не этнический, а культурный смысл.

Одновременно следует помнить, что мультикультуральность пока что проявила себя преимущественно на поле массовой культуры, т. е. того явления, которое в XIX в. даже не считалось культурой. Вместе с тем засилье массовой культуры представляет

⁴ Лем Ст. *Философия случая*. – М., 2005. – С. 390.

собой угрозу не «высокой культуре», которую она лишь потеснила экономически, но вовсе не угрожает ее существованию в целом, а народной фольклорной культуре. В развитых странах она сейчас существует лишь за счет чрезвычайных реанимационных усилий государства. К началу XXI века фольклор в России в его традиционных формах, видимо, уже полностью поглощен попсой и поддерживается только искусственными мерами.

Помимо этого иностранные культурные заимствования в исключительно редких случаях интегрируются в аборигенную культуру в своем первоначальном виде. Как правило, они подвергаются большей или меньшей адаптации в рамках принимающей их культуры так же, как заимствованные слова видоизменяются на более привычный лад в принимающем их языке. Первые же примеры, которые приходят на ум: все знают японское суши – блюдо из полусырой рыбы. Но мало кто знает, что в японском языке нет звука «ш», и по-японски это звучит как «суси». В Англии джемпер (с треугольным вырезом на груди) и свитер (с воротником) – принципиально разные виды одежды. В России оба названия применяются для обозначения любых вязаных изделий, одевающихся через голову. В той же Англии понятие «джентльмены» (дословно – тихие люди) сейчас по смыслу соответствует нашей «интеллигентности» (хорошему воспитанию и высококультурному поведению), а в Америке используется как аналог русского обращения «господа». Весь мир ходит в американских (или сделанных по американским лекалам) джинсах. Но только в России их носят с галстуком (мужчины) или драгоценностями (женщины). Подробное описание разнообразных местных модификаций, вариаций и адаптаций заимствованных образцов приводятся в литературе [4].

Помимо этого есть еще и религия, жестко противоборствующая любым иноконфессиональным культурным заимствованиям, а также язык, который с течением времени неизбежно меняется, но никогда не утрачивает одной из своих основных функций – быть хранителем национального исторического социокультурного опыта и передавать его из поколения в поколение. Пока народ сохраняет свой язык, свою специфическую ментальность – тот же социальный опыт, но уже осевший в глубины подсознания, – за его культуру и сохранение ее самобытности можно не беспокоиться.

Теперь пришла пора совершить небольшой экскурс в историю, чтобы посмотреть, когда появилось то, что ныне получило название мультикультуральности. И открывается удивительная картина. Как и явления, ныне объединяемые понятием «глобализация» [5], мультикультуральность ведет свое начало от первых городских цивилизаций древности. Появление грамотности и письменности неизбежно привело к тому, что в собраниях рукописей стали появляться документы иностранного происхождения. Появление

искусства и его коллекционеров быстро привело к тому, что чужестранные произведения заняли особую нишу на рынке художественной продукции. Развивалась международная торговля, и среди представителей аристократии появилась мода на заморские предметы одежды, оружие, драгоценности и пр. Позднее эта мода распространилась на мебель, архитектурные стили, особый разговорный язык аристократии, ее общий имидж. То же самое и с художественной литературой, философией, наукой.

Известно, какое культурное смешение породила эпоха эллинизма. Ее традиции были восприняты римской культурой (особенно периода империи), которая синтезировала в себе множество культурных образцов, стекавшихся в Рим со всех концов гигантской державы. Что самое удивительное, этот синтез коснулся и религиозной сферы. Римская империя была той редкой страной, на территории которой сравнительно мирно уживались десятки национальных религий, а некоторые из них в разные периоды доминировали, в том числе в самом Риме (например, культ египетской Изиды или митраизм, ставший «профессиональной» религией легионеров) [6].

Для европейского Средневековья больше характерны эпохи преобладающего культурного влияния той или иной страны на целые регионы. Понятно, что в Православном мире центром была Византия, в существенной мере влиявшая на культуру и Балканского полуострова, и Кавказа и Руси. В западноевропейской истории можно выделить эпоху «высокого Средневековья» (XII–XIV вв.), когда преобладало французское культурное влияние (в архитектуре, одежде, литературе, рыцарском этикете и куртуазных манерах). XV век – расцвет Ренессанса – эпоха явного итальянского культурного влияния на большую часть Европы (но в наибольшей мере на Францию). XVI век – столетие испанского влияния, чему весьма способствовало открытие Америки и политическое могущество Испании [7].

В XVII веке, судя по всему, на юге Европы еще сохранялось испанское культурное влияние, а для остальной части континента было характерно сословное деление: для аристократии источником культурных воздействий опять стала Франция, для зарождающейся протестантской буржуазии – Англия и Голландия. Это очень важный переломный момент. До этого основным объектом влияний являлась культура аристократии и обслуживавших ее интеллектуалов. Теперь в процессы мультикультурации (по крайней мере, в виде международной моды на те или иные предметы обихода, книги и пр.) включилась и буржуазия, которая в силу известной простоты нравов, частых контактов и меньшей приверженности традициям оказалась весьма активным участником создания интернациональных форм своей сословной субкультуры.

Примерно такое же соперничество между Францией и Англией, как источниками культурного влияния, характерно для XVIII и первой половины XIX вв., но уже с середины XIX в. приоритет прочно перешел к Англии и Германии, а в XX в. – к США. Аристократия со времен античности (буржуазия – с XVII в.) жила в высокомультикультуральном мире, где предметы, искусство, а со временем и информация активно перемешивались в культурах разных стран, обогащая их, но не препятствуя становлению их самобытности. Разумеется, в разных странах и в разные периоды истории эти процессы протекали с разной интенсивностью [7].

То же самое было характерно и для исламского мира, где можно выделить периоды арабского, персидского, кордовского, сельджукского и, наконец, османского культурного влияния. На Дальнем Востоке вплоть до XVI в. имело место абсолютное культурное доминирование Китая, временами прерывавшееся соперничающей с ним Индией [там же].

Таким образом, есть все основания утверждать, что человечество (по крайней мере, состоятельные и образованные социальные слои) большую часть своей цивилизованной истории прожило в условиях более или менее выраженной мультикультуральности. Люди знали о событиях, происходивших в других странах, были знакомы с архитектурой, книгами и искусством (как минимум, в рамках своей религии), имели четкое представление о господствующей у соседей моде, а нередко и перенимали ее, равно как и предметное окружение, кулинарные пристрастия и приемы и т. п.

Впрочем, в XVIII–XIX вв., а особенно в XX в. произошла новая метаморфоза. Появились средства массовой информации (поначалу только печатные), а затем и массовая культура, что раздвинуло границы мультикультурации далеко за пределы Европы и США, а, главное, приобщило к ней средний класс и с 1950-х гг. молодежь. Появилась своеобразная «молодежная субкультура» (которую не нужно путать с массовой; последняя есть синтез молодежной и культуры среднего класса [8]). В 1960–1980-е гг. именно молодежная субкультура стала лидером процессов мультикультурации, смешения культурных образцов самого разного происхождения (тут и мода на кришнаизм, и афро-американское регги, и пр.).

В 1980-е гг. начались процессы глобализации, мультикультурация буквально обрушилась на «средний класс», и он оказался не менее активным ее потребителем, чем молодежь, которая, желая выделиться, провести культурную черту между собой и поколением отцов, осуществляла порой парадоксальный культурный синтез. Русские бабушки, которые смотрят мексиканские сериалы, или японские посетители закуточных McDonalds этой цели не преследуют.

Другими словами, началось то, о чем говорил Шварценеггер. Массовая культура стала преимущественно мультикультурной [9]. Джинсы и кепки бейсболки надело старшее поколение, люди всех возрастов смотрят в основном одни и те же телепередачи, читают одни и те же газеты и т. п. Важным фактором стало и то, что благодаря бурному развитию мировой торговли, зарубежные товары были нередко дешевле отечественных, а массовая культура задала определенные стандарты особой «массовой моды» на вещи, книги, кинофильмы, общий типаж и имидж, заметно отличающейся от моды немассовой.

Все это, естественно, имеет и свои социальные особенности. Представители высокообразованных и хорошо обеспеченных слоев стремятся не «светиться» как потребители массовой культуры (культурной «дешевки»), хотя дома, я уверен, большинство из них приобщается к ней не менее охотно, чем представители среднего класса.

Таким образом, мультикультуральность может быть определена как объективный процесс, предусматривающий контакты между народами и некоторую неизбежную культурную диффузию. Но так было всегда. Другое дело, что, начиная с середины XX в., резко усилилась динамика этого процесса, выросли его масштабы: в него включились все народы, вышедшие за пределы первобытности. Следует указать и на то, что процессы культурного сближения между народами (по крайней мере, в рамках региона) перемежались процессами расхождения культур.

Конечно, то, что происходит сейчас, беспрецедентно, но таков сегодняшний этап социального, политического и культурного развития. Однако нужно помнить, что каждому тренду сопутствует антитренд, всякой тенденции – антитенденция, и они рано или поздно вступают в открытое соперничество (хотя бы как «Русское бистро» и американский McDonalds). Подобные формы местного противодействия навязыванию мировых стандартов (и нередко довольно успешные) существуют по всему миру. Не избежим этого и мы [10], т. е. всеобщей американизации мира не получается. Американские технологии берутся на вооружение, но большинство стран на базе этих технологий создает свои, вполне национально самобытные продукты. Несмотря на все успехи мультикультурации, «локальные стратегии выживания» сохраняют свою непоколебимую устойчивость.

Список литературы

1. Бек У. Что такое глобализация? – М., 2001.
2. Бодрийар Ж. Система вещей. – М., 1995.
3. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М., 1989.

4. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. – М., 2004.
5. *Флиер А.Я.* Глобализация как культурная тенденция // Обсерватория культуры.– 2005. – № 1.
6. *Нахов И.М.* Понятие мировой литературы и античность // Античность как тип культуры. – М., 1988.
7. *Хаттон П.* История как искусство памяти. – СПб., 2003.
8. *Гидденс Э.* Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. – М., 2004.
9. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. – М., 2004.
10. *Залесский С.В.* Культурное многообразие человечества в условиях глобализации / Автореф. дис. канд. культурологии. – М., 2006.